

ART AKTIVIST

Журнал

Спецредакторы

Медиаотека

Сообщество

— Соломатина Ирина

«Мастерская женского творчества»: упущенные возможности

Mar 4, 2012 0 1 437 Edit

«Если женщины действительно равны с мужчинами, то почему среди женщин никогда не было великих художниц (композиторов, математиков, философов) или почему их было так мало?»... Предлагает ли выставка «Радиус нуля» ответ на этот вопрос?

29 февраля в одном из цехов завода «Горизонт» открылась выставка «Радиус нуля. Онтология арт-нулевых». Отвечая на вопросы журналистов, ее кураторы, с одной стороны, отметили: «...В ходе проекта гендерная тема не прозвучала ни на одном обсуждении. Она не проговаривалась как серьезная важная номинация», а понятие художник определили как общее, согласно чему художником «может быть как мужчина, так и женщина. Выбранное количество участников и участниц — это объективное мнение нашей экспертной комиссии». С другой, кураторы признали, что ими «было сделано упущение на уровне составления анкеты: учитывая, как консервативна белорусская арт-среда, мы должны были предусмотреть, что без напоминания, что художником в Беларуси может быть и является не только мужчина, эксперты не вспомнят о женщинах. Так и случилось». Получается, что за целый год работы над проектом участвующий в ней коллектив авторов так и не смог найти ответа на «вечный вопрос»: «...Если женщины действительно равны с мужчинами, то почему среди женщин никогда не было великих художниц (композиторов, математиков, философов) или почему их было так мало?». Возможно, потому что такой вопрос кураторами даже и не ставился? В тексте, написанном к одной из работ художницы Марины Напрушкиной, сделанной специально для экспозиции «Радиус нуля», я попыталась предложить свой ответ на этот «вечный» вопрос. Хочется надеяться, что этот текст поможет справиться с существующей ситуацией невнимательного отношения к истории «женского» вопроса в искусстве и будет способствовать началу разговора о «женском» в искусстве Беларуси.

Несмотря на снятие прежде существующих «идеологических» запретов, никакой «перестройки» в белорусском арт-образовании не произошло и это образование осталось консервативным. В учебном процессе Академии искусств осталась старая «общая» логика, структура и наполнение программ. Отсутствует преподавание современной философии и различных современных гуманитарных теорий, не ведется обучение технологическим навыкам, таким как работа с видео, звукообработывающими компьютерными программами и т.д. Следовательно, всё еще задаются старые критерии понимания и определения «искусства».

Зарубежные теоретики однако отмечают, что эта проблема характерна для ряда стран Восточной Европы, где «академическая подготовка», заключающаяся в изучении основных навыков реалистической живописи, не дает обучающимся достаточно знаний и опыта для осознанной профессиональной деятельности. Эта подготовка «тратит время и талант молодых людей и забывает им головы застарелыми идеями о деятельности и достижениях вместо открытия их сознания для современных режимов мышления и практики» (К. Кройгер).

Любопытно сравнить воспоминания об условиях обучения двух белорусских художниц разных поколений: Зои Литвиновой (1938 г.р.), которая закончила Белорусский театрально-художественный институт в 1967 году, и Марины Напрушкиной (1981 г.р.), которая уехала из Минска в 2000 году учиться в Государственную академию изобразительного искусства в Карлсруэ после третьего курса Глебовского училища.

РУБРИКИ

news обзор (6)
активизм, закон, цензура (31)
арт-институции (11)
архитектура, охрана памятников (3)
Без рубрики (1)
белорусский авангард (5)
гендер, феминизм, квир (23)
дискуссии (9)
заслуженный работник культуры (2)
издания (11)
институциональная критика (7)
интервью (46)
итоги (15)
круг интересов (2)
кураторское дело (3)
лекция (7)
манифесты, акты, декларации (7)
материалы па-беларуску (16)
международный опыт (26)
некролог (3)
общество (10)
опрос (5)
перформанс (5)
письмо редактора (3)
портфолио (4)
реакции, наблюдения, тенденции (40)
события, выставки (53)
стрит-арт, паблик-арт (10)
текст художника (7)
терминология (7)
фотография (16)
художники (38)
школа критики (3)

Зоя Литвинова

Зоя Литвинова: «... Окончила училище, куда было поступать? Ну конечно, на живопись. Но на живопись меня не взяли, потому что посчитали, что я как-то формальна очень. Живопись более консервативная была, отделение консервативное... А монументальное отделение ... тогда только в этом году они это отделение сделали. Кищенко [1], Ващенко [2] ... но оно было вечернее... Меня пригласили на собеседование и сказали: вот есть театральное отделение ... театральная декорация и ... так как на живопись вас не берут, давайте сюда. Ну, и я согласилась ... три года я там занималась. И это было очень тяжело. Я пришла с какой-то особой подготовкой, хотелось ставить другие задачи».

Марина Напрушкина: «Во времена моей учебы в Академии искусств была четкая иерархия отделений: отделение "монументалки" (кафедра монументальной живописи) считалось самым престижным. Именно там учились самые талантливые, учились на настоящего Художника. То есть на выходе [оттуда] ты не приобретал профессии (мебельщика, керамиста или дизайнера), а становился художником. Получение права на преподавание в учебных заведениях после выдачи диплома на кафедре МЖ, т.е. звание учителя, которое давалось в нагрузку, особо никого не интересовало. Учились не для того, чтобы получить право преподавать, а для того, чтобы "творить". Обучение длилось не пять лет, как на других отделениях, а шесть...».

Сегодня результатом такого обучения является специфическое чувство «отсталости» и «ненужности», существующее в белорусской арт-среде. Ведь художниц и художников призывают всё еще мыслить категориями живописной манеры, композиции, колорита. А это не дает возможности понять, что современность требует в первую очередь работы с проблемами, их глубокое исследование и анализ, а не производство артефактов, претендующих на звание художественного произведения. Именно поэтому даже концептуальные арт-проекты в Беларуси часто имеют «плоскостной» характер и остаются неглубокими по смыслу, так как выстраиваются вокруг только визуального, а не проблемно-тематического измерения. В таком контексте определение «современное искусство» остается всё еще не понятным, не проясненным и маргинальным. Нередко, называя свои арт-проекты «экспериментальными» (так как их не одобряют консервативно настроенные авторитеты и арт-специалисты), художники даже не подозревают, что они лишь повторяют исторические формы искусства. Белорусские художницы жили и продолжают жить в атмосфере стереотипов о невозможности «женского гения» и второстепенности «женских» тем, особенно если они не имеют отношения к воспеванию традиционной «красоты» природы и мироздания в целом. Профессиональный успех некоторых художниц складывается благодаря западному арт-пространству или селекционным стратегиям немногочисленных коллекционеров, фондов и некоммерческих институций. В таком контексте создание женщинами «своих» проектов, их попытка хоть как-то анализировать свое положение в обществе оценивается как «странная» деятельность. Популярными остаются выставки художниц (например, про гармонию полов, величие мужчины или таинственность женщины), работы которых отвечают «легитимным» моделям феминности, либо семейные выставки.

Зоя Литвинова вспоминает: «Тищенко смотрит и говорит: "Знаешь что, буду говорить с Ващенко, переходи к нам на монументальное. Оно стало дневным". И как-то все ребята, которые занимались на монументальном, они все работали, все женились, и там все немножко стало затухать... Тищенко говорит: "Ты возьми Зойку, она там расшевелит, это всё пойдет более живое дело...". Ващенко посмотрел... и решился. Он не хотел, он вообще был против того, чтобы на монументальном отделении были женщины. Всё-таки это очень трудоемкая работа и так далее. Но решился, взял. И конечно, для меня это было потрясающее событие, просто потрясающее!».

Марина Напрушкина рассказывает: «Девушкам всегда было тяжело поступить на монументалку, даже если на вступительных экзаменах они показывали лучший результат. Объяснялось это мужчинами-учителями, причем тот же порядок поддерживался и на уровне дирекции других образовательных учреждений (и директорами художучилища, и ректорами Академии были всегда мужчины) так: зачем вас

учить, если вы потом выходите замуж и детей рождаете? Настоящим художником мог стать только мужчина. Девушек, если и брали, то одну на группу, чтобы следила за порядком в мастерской и за мальчиками, чтобы те сильно не пьянствовали».

Из всего выше сказанного видно, что белорусские арт-институции остаются неизменными (видимо, у них нет особых причин меняться): там продолжают выстраиваться жесткие иерархии — отношения доминирования и подчинения, когда людей делят на гениальных и не очень, на талантливых и неполноценных (так как некоторые могут рожать), на способных создать выдающиеся произведения и не способных на это. От женщин не ожидают больших, чем от мужчин, или даже равных им успехов. Тем самым поддерживаются представления о несоответствии свойств и интеллектуальных качеств женщин занятию, например, монументальной живописью. Хотя пример Зои Литвиновой как раз доказывает обратное. При этом некоторые женщины сами воспроизводят этот стереотип, так как на протяжении многих лет такой «академической подготовки» у них развивается «женская», не совсем полноценная модель поведения, которая в конечном счете приводит к заниженности их притязаний на успех в профессиональной сфере. Женщинам трудно противостоять мужскому доминированию, большинство из них соглашается с отводимыми им второстепенными ролями в профессии.

Любопытно, что в 2005 году в газете «Советская Белоруссия» в рубрике «Контрвью» появляется текст-обсуждение вопроса «Может ли женщина создать шедевр?» [3]. Художник-график и дизайнер Андрей Басальга и искусствовед Юрась Борисевич поделились своим мнением по поводу полноценности женского участия в искусстве.

Андрей Басальга считает, что «сама природа создала женщину таковой, что ей приходится отвечать за потомство... Увы, у мужчин другое предназначение — быть добытчиком, защитником. Эти обязанности, кстати, тоже очень отвлекают от создания шедевров». И тут же добавляет: «На мой взгляд, женщины-современницы, как и вошедшие в историю изобразительного искусства, представляются наиболее интересными творцами. Из молодого поколения могу назвать Зою Луцевич, из старшего — Зою Литвинову... Если эти звезды зажигаются, то сияют очень ярко». Другими словами, молодой художник, закончивший Белорусскую академию искусств в 1996 году, считает, что некоторым художницам удается достичь совершенства и попасть в мир подлинного искусства, но такая «женщина в искусстве должна быть мужчиной».

Юрась Борисевич говорит: «Женщинам не удается быть гениальными изобретателями, сочинителями, но среди них немало гениальных исполнителей». «Женщина едва ли согласилась бы пожертвовать личной жизнью ради искусства. Но всё же такие имеются — например, минская художница и поэтесса Людмила Русова. Я редко целую дамам руки, но ей при встрече не забываю, потому что уважение к женщине умножается на уважение к мастеру, ум и отвага которого превосходят соответствующие качества большинства мужчин».

Эти цитаты являются свидетельством того, что художницам по якобы «объективным» или природным причинам отказано в возможности быть равной мужчине-«творцу» в Беларуси. Позиция женщины является ущербной и социальное и символически коренится в вопросе о ее способности производить потомство, т.е. быть матерью.

Причем вне зависимости от того, становится художница матерью или нет, ее вытесняют на обочину истории. Ярким тому подтверждением является выпущенный в январе 2012 года 17-й номер альманаха современного белорусского искусства «pARTisan». Ни один из авторов текстов 17-го номера не вспомнил об известной художнице Людмиле Русовой (1954–2010). Хотя в 1980–1990-е годы она была участницей многочисленных групповых арт-проектов, например, «Оживление Казимира» (Дворец искусств, Минск, 1989), «Супрематическое воскрешение Казимира» (Москва, 1990), выставки искусства актуальной позиции «in-formation» (Витебск). Впрочем, не упомянутыми в этом журнале остались и другие художницы: Ольга Сазыкина, Галина Васильева, Алена Сысун.

Возможно ли в таких условиях открыть большую и серьезную «женскую» тему, которая многими в белорусской арт-среде, причем и академической, и альтернативной, воспринимается как «странная», вторичная, ущербная, чуждая? Такая трагическая недоразвитость локального контекста, сопротивляющегося любым попыткам артикуляции женской проблематики, ведет к тому, что новые, имеющие потенциал для будущего арт-проекты и работы, оказываются не только в критическом вакууме, но и игнорируются арт-сообществом. Кроме того, художницы в таких условиях оказываются повязаны господствующей идеей «естественного предназначения женщины», что в свою очередь ведет к разнообразным ограничениям и социальным предрассудкам.

Примечания:

[1] Александр Кищенко, народный художник Беларуси, преподавал в Белорусском театральном художественном институте в 1963–1970 годах.

[2] Гавриил Ващенко, народный художник Беларуси, возглавлял открывшееся отделение монументально-декоративного искусства Белорусского театрально-художественного института с 1961 года.

[3] Шадрин А. Может ли женщина создать шедевр? «Советская Белоруссия». Дата публикации: 19.02.2005.

//источник: www.n-europe.eu ©

Tweet

0

Нрави

Читать по теме:

[Минск – это дикий паук](#)

[Язык власти, наш язык](#)

[гендер, феминизм, квир](#) [институциональная критика](#) [реакции, наблюдения, тенденции](#)
[белорусская государственная академия искусств](#) [зоя литвинова](#) [людмила русова](#) [марина напрушкина](#)
[проект "беларусь // институт будущего"](#) [проект "радиус нуля. антология арт-нулевых"](#)
спецредактор: [тамара злобина](#)

[Предыдущая публикация](#)

[Следующая публикация](#)

Комментарии: 0

Сортировка [Самые старые](#)

Добавьте комментарий...

[Плагин комментариев Facebook](#)

Добавить комментарий

Вы вошли как [Редакция](#). [Выйти »](#)

[Комментировать](#)

О проекте	Facebook
Партнеры	Twitter
Реклама	
Контакт	RSS

© 2011-2012 Art Aktivist. Все права защищены.
88 queries in 0,303 seconds.

Design & Web Development
by Sgustok Studio